

К сожалению, история повторяется, и новое поколение, придя на смену старому, дублирует ошибки, совершенные отцами. И сталкивается с теми же проблемами, мучается нерешенными вопросами, которые, словно кандалы за каторжником, влачатся из поколения в поколение за нашим народом.

Ушел, канул в небытие век XX, на смену ему пришел XXI, оставив позади самую страшную войну человечества – Вторую мировую... Безусловно, наш народ извлек мудрые уроки из той войны, но продолжает наступать на те же грабли.

Листая страницы книги Николая Водневского «Вчера и сегодня»

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Вновь найденная книга

Пролетают года, убегают десятилетия и, подобно песку сквозь сжатые пальцы, уплывают отсчитанные Творцом секунды, минуты, часы, дни; истончается короткая человеческая жизнь. Где-то на вневременном отрезке мироздания стоит печальная седая История и, приложив козырьком ладошку поверх глаз, пристально всматривается в нас сегодняшних: какие мы? Что накопили в себе? А что передадим своим детям?..

Недавно, перебирая отцовскую духовную литературу, я обнаружила небольшую книгу в мягком переплете. На коричнево-белой обложке, разделенной по диагонали на 2 одинаковых треугольника, крупными буквами название: «ВЧЕРА И СЕГОДНЯ». А ниже – маленькими: Ник. Водневский. «Это известный христианский проповедник прошлого века, – вспомнила я. – Знаю, его уже нет в живых, но осталось много прекрасных стихов!» – и с

возросшим интересом рассмотрела книжку.

Символичным показалось то, что слово «вчера» расположено в коричневом, а «сегодня» – в белом треугольнике. Поискала титульную страницу, но той не было. Только экслибрис пролил свет на ее историю: NELLI MERTES. И мелким шрифтом: SCHENKENDORFSTR. 12 A/8900 AUGSBURG. «Да это хорошее принтерное издание!» – подумала и, перевернув страницу, обнаружила обращение автора к читателю, датированное январем 1977 года. Дальше «Вводное слово» – аннотация, начинающееся словами: «Что такое жизнь? Не в философском понятии, а в самом обычном...» И несколько слов об авторе, сжатая история создания книги, ее воздействии на душу читателя.

Во многих местах книга пестрела пометками на полях и подчеркиваниями карандашом – ее много раз читали. Из памяти всплыло воспоминание: передачи ТМР, яркие, живые

проповеди Николая Водневского, которые достигали самого сердца, заставляли душу трепетать и плакать... Мои верующие родители любили слушать его проповеди и размышлять над их содержанием. О самом проповеднике отец говорил с восхищением: «Это Божий муж, прошедший ужасы войны и плена. Он чудом остался жив, а после войны пришел к Богу...»

Я поняла это отношение во время чтения книги: отец чувствовал в проповеднике родственную душу – в 1943 был призван на фронт и достаточно хлебнул из горькой чаши военной жизни; видел смерть, страдания и, вдобавок ко всему, унижения сталинских лагерей. Верующие люди воспринимают мир одинаково...

Улучив свободное время, принялась за книгу, и она с первой страницы покорила меня искренностью и простотой, легким и живым, подчас поэтическим языком. Кратко излагая собственную жизнь, избегая нагромождения фактов

и несущественных деталей, автор акцентирует внимание читателя на горьком опыте мятущейся в сумерках греховного мира человеческой души. Иными словами, эта книга – о поисках смысла бытия.

Идущие от самого сердца слова обращены не только к русскому народу середины XX века, книгу нельзя рассматривать как исповедь автора перед своим поколением, «рожденным в года глухие», т.е. после революции, которому выпала удивительная возможность узнать о Боге. Это своеобразный призыв и к моему поколению, и обращение к молодому племени украинцев, на долю которых выпала сегодняшняя война...

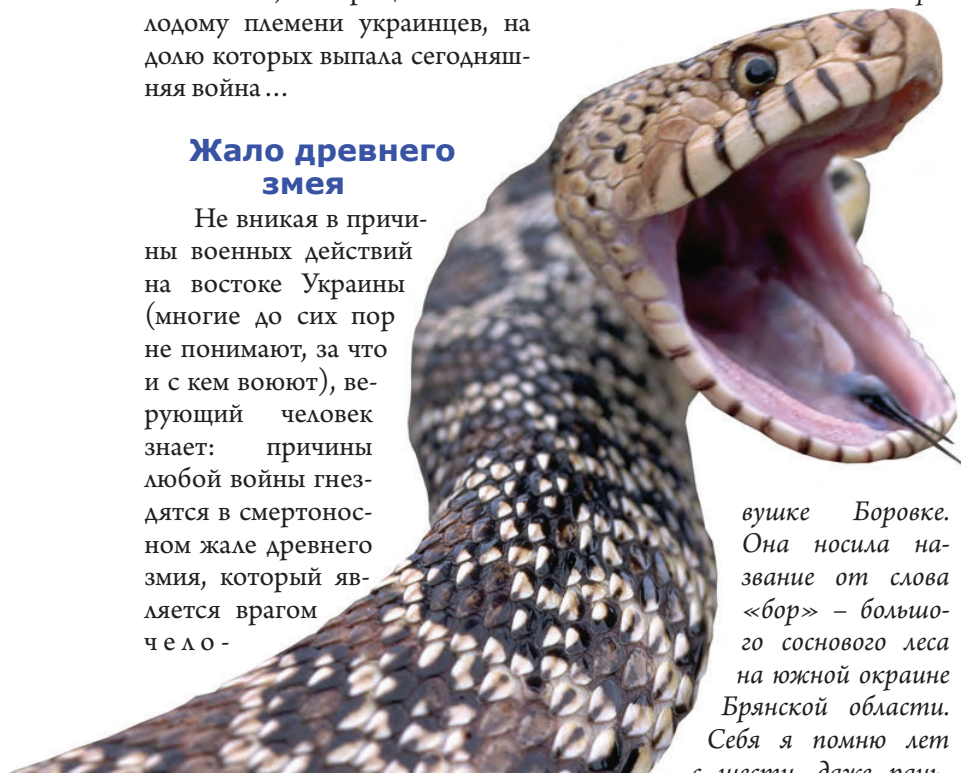
Жало древнего змея

Не вникая в причины военных действий на востоке Украины (многие до сих пор не понимают, за что и с кем воюют), верующий человек знает: причины любой войны гнездятся в смертоносном жале древнего змея, который является врагом чело-

Николая Водневского, который слышала в давних радиопередачах – он никого не оставлял равнодушным. Самое важное (это и послужило поводом для написания очерка) – картины жизни, прокрученные «вчера», с точностью повторяются «сегодня». Случайно ли это? Убедитесь, дорогой читатель, в этом сами. (Здесь и далее: выделенный курсивом текст – Н. Водневского.)

Сцены сельской жизни

Первая страница повести моей жизни начиналась в дере-

вушке Боровке. Она носила название от слова «бор» – большого соснового леса на южной окраине Брянской области. Себя я помню лет с шести, даже раньше...

веческих душ. Но самое ужасное то, что сегодня, как 70 лет назад, всё те же страх и смерть, и страдания, и реки крови ни в чём не повинных тысяч и тысяч людей... А еще – мятущиеся в потьмах грешные души, обреченные на вечную погибель... До слез жалко несчастный, обольщенный безбожием народ, так много претерпевший, но до сего дня не раскаявшийся.

Я читала обычную на вид книжицу, а возникло ощущение, что слышу пламенный голос проповедника, поэта и публициста

ше... В праздничные дни в деревне много пили. Рождество, Крещение, Пасха, Троица никогда не проходили без драки. Дрались отчаянно и хлестко, иногда из-за пустяков, пуская в ход не только кулаки, но и бутылки, колья... На другой день, после похмелья, примирялись, и снова начиналась мирная трудовая жизнь деревни...

Я опешила: а ведь в украинской деревне (да и не только!) то же самое. Я воочию видела то, о чём пишет автор книги: сцены сельской жизни, несчастных людей, погрязших в пучине

пьянства, их неприкаянность и дикая безысходность. Изменились только время и место действия. Так было в моем родном селе на Полтавщине десятки лет тому назад, точно так «отмечают» христианские праздники сегодня. И для большинства это «норма». Но заметьте, какой парадокс: в далекие 60-е, на которые выпало мое раннее детство, верить в Бога запрещалось, нынче же время благоприятное, и можно смело говорить о Боге, верить в Него! Но кто пользуется этой свободой?

В воскресенье, 22 июня 1941 года, был теплый погожий день. После небольшого тихого дождя, выпавшего ночью, утреннее небо расчистилось и заголубело. Я вышел на луг к небольшой быстрой речушке, прихватив с собой потрепанные конспекты по новой истории. Через два дня мне предстоял последний экзамен...

«Последний экзамен» новоиспеченный учитель истории сдавал долгие пять лет. Как признался сам Николай Водневский, это был «Божий экзамен», и его пришлось «держат» перед Высочайшим в мире Учителем. Началась война, и всё пережитое наложило неизгладимый отпечаток на человеческую душу...

Середина июня 1942 года. Прошел только один год, как началась война, а сколько перемен, сколько событий пронеслось в моей жизни за этот год. Два-три раза в день немцы стреляют по нам из минометов, визжат пули снайперов, и каждый день несколько человек прощаются с жизнью. Наша артиллерия молчит, не хватает снарядов... Наши перебежчики, – а их число увеличивается каждый день, – дают немцам точные координаты расположения наших частей, штабов, узлов связи. Огневые налеты повторяются ежедневно... И вот – атака. Немцы, будто ожившие из мертвых, били из всех видов оружия по нашим тылам... Густая роцка стонала от разрывов снарядов и за несколько

минут начала просвечиваться насквозь. Появились первые раненые. Одних несли, другие ползли сами, стонали, звали санитаров, сыпали проклятия... На узле связи, в резерве, не осталось ни одного связиста. Радист тяжело ранен. В эти страшные, непередаваемые минуты я первый раз в жизни сознательно взмолился Богу. Это была даже не молитва. Это был вопль: «Боже, прости меня, грешника! Спаси меня! Если спасешь, я буду стараться быть всегда хорошим и не грешить...» Не зная истины Божьей и характера Его любви, я шел на «коммерческую сделку» с Богом: «Если сохранишь мою жизнь, я буду жить по-другому, как верующий...»

Взгляд в лицо смерти

Тогда из 140 человек уцелело только 30. 6 связистов под-

На пепелище хаты, сожженной немцами. Ноябрь 1941 г.

разделения остались на поле боя. Среди них Василий Стрельцов из Ташкента. Это был тихий, честный, благородный человек. Он всех любил, и его все любили. Любил его и я сыновней любовью, и мы подолгу беседовали о нашей жизни, мечтали о будущем... Оказалось, что когда телефонная связь была прервана, Стрельцов добровольно ушел на поиски поврежденной линии. Прямым попаданием мины ему оторвало голову, и только по осколкам телефонного аппарата

узнали, что это был он... Остатки тела, собранные в чью-то шинель, мы похоронили под деревом, иссеченным осколками и пулями. Похоронив Стрельцова, я возвращался в свой блиндаж с удрученным сердцем. В орешнике, как имели, напевали пули, а я шел напрямик через кусты, чтобы выбрать тихое место и помолиться Богу... Мое сердце загорелось любовью к милующему Богу, появилось желание жить чистой, святой жизнью. Той ночью я не спал. Думал, как дорога жизнь человека, и какой дешевой делают ее люди. Заглянув своими глазами в лицо смерти, я увидел, что умереть не готов.

Плененные советские солдаты. 1941 г.

Приведенный отрывок, иллюстрирующий ужасное «вчера», взят из главы «Ад на земле». Картина хорошо знакома

тем, кто «сегодня» находится в зоне АТО на востоке Украины, в частности, военным. Попав в «ад на земле», люди ежесекундно балансируют между жизнью и смертью. Мои земляки-волонтеры, вернувшись из зоны военных действий, рассказывали, что украинские солдаты используют в качестве «оберегов» различные символы: переписанный от руки известный 90-й Псалом, освященные в храме иконки, настенные крестики, даже аптечные

пузырьки со святой водой. Понятное дело – идет война...

Человек понимает, что смертен, уязвим не то, что для мины или снайперской пули, – можно погибнуть от осколка гранаты, взрывной волны, обычного камня... Инстинкт самосохранения подсказывает всякие ухищрения. А многие ли пытаются спасти свою душу? Обращаются к Богу? Готовятся предстать перед Вечным Судьей? Почему-то мужчины считают, что преклонить колени перед Всевышним – это проявление слабости... Сказывается «ген неверия», приобретенный старшим поколением (безнадёжно отравленного испарениями атеизма прошлых лет) и переданный в наследство младшему.

Вырвавшиеся из земного ада

Нынешнее лето я проводила у мамы, в родном селе на Полтавщине. Туда, на относительно безопасную территорию, приехало (точнее, убежало) несколько моих земляков, проживающих на Донбассе. Они находились в самом эпицентре военных действий: Славянск, Горловка, Краматорск, Лисичанск... Рассказывали, как убегали с насиженных мест, бросив нажитое добро, мечтая об одном – вырваться из кошмара городов, спасти жизни детей и внуков... Немногие были откровенны – боялись. Родственница моей школьной подруги сдержанно рассказала, что пережила ее семья:

«Жили в погребе почти 3 недели, сидели на воде и сухарях. У маленькой внучки случилось страшное расстройство кишечника, а аптечку не захватили, как нарочно. Муж пошел ночью в дом за лекарством, а дома нет – только гряда кирпичича. У соседей – тоже ничего. Всё разрушено, уничтожено, люди попрятались, боятся даже своих. Вернулся под утро с трясущимися руками, и лицо почерневшее, каменное...

Не знаю, что он видел тогда – не хочет рассказывать, а только 2 дня молчал. Уже боялась, что повредился рассудком...

Террористов, которых поначалу привечали, теперь откровенно называют наемниками, бандитами. Они среди бела дня останавливают машины, маршрутки, попросту всех грабят! Людей расстреливают прямо на улицах и запрещают подходить к убитым; трупы лежат по несколько дней, кругом вонь и смрад... Люди в панике! Мы каждый день с молитвой ложились, не зная, наступит ли утро. Думали, тут нам и конец. Долго не решались уходить из города: пригороды постоянно простреливаются из минометов.

Но когда дом разбомбили и держаться было не за что – ушли... Слава Богу, вырвались из этого ада! До сих пор не верится...»

– А что сейчас? – спросила я. – Молитесь ли, как молились там, в минуты смертельной опасности? Обратились ли к Богу?

– А что, здесь тихо-мирно... – недоумевала моя собеседница. – Да и церкви в нашем селе, считай, с 1930 года нет...

– Церкви в понятии «храм» здесь действительно нет, – согласилась я. – Зато есть верующие, которые собираются для молитвы. Что вам мешает?

– Да там всего-то пять старушек собираются, а молодых людей или хотя бы моего возраста – никого! – аргументировала немолодая беженка из зоны АТО...

Обновленная душа

Рассказывая о своей «вчерашней» жизни, Н.В. пишет:

Немало во время войны довелось мне ходить по дорогам России. Ходил в строю действующей советской армии, ходил в колоннах военнопленных, ходил с лопатой в руках в рабочем батальоне. Но с тех пор, когда в душу мою запала вера в Бога, вера менее горчичного зерна, вера слабая, я помнил, что надо мною невидимое Божье око, Его святой покров. Когда в моей дорожной сумке оказалось Евангелие, я читал его неизменно каждый день, делился мыслями с близкими

Это учение показало мне меня самого, мою ничтожность и неспособность жить правильной жизнью без помощи Всевышнего.

Сказанные вчера, насколько эти слова актуальны сегодня! Как важно всему украинскому обществу сердцем почувствовать их глубокий смысл! Ведь, увы, без обновленной души не будет ни нового человека, ни нового общес-

тва. Когда восставший Майдан в буквальном смысле «вздыбил» всю Украину, многие прозрели: «Наконец-то! Ведь дальше так жить нельзя!» Вспомнили лозунг начала XX-го века: «Мы не рабы, рабы – не мы!» Поняли, что без веры в Бога обречены на вечное рабство...

На площадях столицы, в больших и маленьких украинских городах верующие по сей день собираются для молитвы и взывают к Богу. Появилась надежда на духовное пробуждение народа, что оскудевшие поместные церкви наполнятся славящими имя Творца...

Когда был аннексирован Крым, а на востоке пролилась «первая кровь», в СМИ велись разговоры о вероятном военном вторжении, а в народе – о несметном количестве боевой техники на восточной границе и предстоящей всеобщей мобилизации... Тревожным апрельским днем я возвращалась домой с воскресного богослужения. Маршрутка была заполнена до отказа и, втиснувшись в салон, я очутилась на «пяточке» у

кабины водителя, откуда хорошо видела встревоженные лица пассажиров. Все понимали: мир разбит и вот-вот рассыпется в прах, сегодня-завтра война может ворваться в наши дома. Говорили шепотом, никто не шутил, дети и те присмирели.

Я вглядывалась в попутчиков, в их глаза, а там – страх и напряженность... У самой на душе камнем висела тревога. Больше всего родители боятся за детей, а у меня их трое: сын и дочка с зятем. Что ожидает их?

Бог не оставит

И вдруг мой взгляд приковал яркий календарь 2014,

прикрепленный над кабиной водителя. На сине-желтом фоне краткое воззвание: «Молись за Украину!» Наша маленькая церковь в то утро горячо молилась, чтобы Господь защитил Украину, не допустил кровопролития. Это вселяло надежду: Бог не оставит! Тогда подумалось, что смута послана нам неспроста, она послужит толчком к покаянию и очищению, иначе и быть не может!

Небольшие на тот момент столкновения между «мирными» горожанами постепенно подогревались, разрастались и переросли в настоящую бойню. А что же люди? Как чувствуют себя те, в чьих глазах читались страх и тревога? Раскалялись? Обратились ли к Богу? Пополнилась ли наша маленькая церковь верующими? – Отнюдь!

Правда, несколько раз на богослужении появлялись родственники наших прихожан, и местный юродивый, которого называют «слабоумный Коля». Он разулся у самого порога и, как ни упрасивали его обуться, босиком прошел в зал служения, где скромно присел у двери. Тихонько просидел до конца соборания, в минуты сильного душевного волнения раскачиваясь вперед-назад. А в конце служения, когда молились за Украину, он сбивчиво прочитал молитву «Отче наш».

Как истинный христианин, Н. Водневский уделяет в книге большое внимание чужому горю и страданию:

Больше всего меня тревожили страдания невинных людей, детей. Как то холод-

ной осенью, к концу пасмурного короткого дня, я шел в деревню Говязья Слобода, шел украдкой, по-заячьи. Сырой ветер, как бездомник, рыскал по кустам, бежал мне навстречу, мешал идти. Неожиданно у дороги я заметил трех детей, пригорюнившихся под кустом у холмика свежей земли. Это была могила их матери. Ее убили немцы за связь с партизанами. Старшей девочке было не более семи лет. Лица детей

посинели от холода. Как испуганные зайчата они прижимались один к другому и рассеянно смотрели на меня. В разговоре с детьми выяснилось, что немцы взорвали их землянку, им теперь негде жить, и они решили умереть на могиле своей матери... Вид этих детей настолько тронул мое сердце, что я не мог удержаться, чтобы не возвысить голос:

– Боже, за что же эти дети должны страдать?!

За что?!

Этот случай никак не укладывался в моем сознании рядом с верой в живого справедливого Бога, каким открывало Его Евангелие. Пусть уже страдают грешники – я понимаю, это по заслугам. Но дети, дети?!..

С таким вопросом, огромным и многозначным, я ходил долго. Спрашивал, как об этом думают другие. Одни говорили: «Бог тут ни при чём, люди сами делают это». Другие говорили: «Бог это допускает, чтобы люди выявили

зло и, наконец, сами поняли, что без Него мир сам себя истребит». А некоторые недоверчиво качали головой: «Где там Бог?.. Если бы Он был, то давно бы спалил проклятую землю...»

Люди с живой душой воспринимают страдания детей всегда одинаково – очень тяжело. Не надо ехать в зону АТО, достаточно послушать сводку «Новостей» или просмотреть видеоролик в интернете – в частности, о сбитом «Боинге», на борту которого находилось 80(!) детей, или о расстрелянной 17 августа колонне беженцев (в одном грузовике находились дети!). Одного этого хватит с избытком, чтобы

вся страна оделась в рубище и до конца дней посыпала голову пеплом, как это делали древние в трагическую годину.

Когда я читал пророчество Исаии об Израиле, – продолжает Н. Водневский, – меня тронули Божьи слова: «Во что вас бить еще, продолжающие свое упорство?» (Ис. 1:5). И здесь мелькнула у меня мысль: не может ли быть и сегодня так, что миллионы людей, считая себя христианами, упорствуют и не покоряются Богу? Бог, желая их пробудить и приблизить к Себе, допускает трудности, лишения, войны. Не может ли быть так, что за непослушание отцов приходится страдать детям? Отцам стоит об этом подумать. Отец наказывает своих непослушных детей

Куда девалась широкая улыбка вчерашнего жизнерадостного мальчишки? Лицо осунулось, глубоко запали когда-то веселые глаза... Внимательно глядяваясь, не заметила даже искорки смешливости, скорее, наоборот. В разговоре был сдержан и скуп, ни о чём «таким» не распростра-

может быть у тех, кто не пришел к Богу с покаянием, не познал Божьей любви и прощения...

Плоды рук человеческих

В 1945 году закончилась самая страшная война, и на земле воцарился долгожданный мир. В

ради их же блага, ради вразумления, а, может быть, ради их же спасения. Наказывает потому, что их любит. О, как часто непокорные дети остаются непокорными, несмотря на увещание и наказание отца! Не так ли бывает и с нами по отношению к Богу?

Люди без лица

Неделю назад в короткий отпуск приехал сын моей подруги. Он не был дома два месяца: работает в крупном аэропорту, обслуживает самолеты, а сейчас много работы. За то время, что мы не виделись, он сильно переменялся.

Понятное дело, служба. Но за чашкой чая, когда обсуждали самую злободневную тему – военную – он позволил себе маленькую зарисовку: «Когда из зоны АТО прибывает самолет и выносят раненых, вся смена выстраивается живым коридором и молча плачет... То, что привозят оттуда, – это просто ужасно. Самое страшное, когда у раненых солдат нет лица...»

Мы слушали с подругой ее повзрослевшего 23-хлетнего сына и тоже молча плакали. И я подумала: а ведь у нас у всех, сегодняшних, «нет лица», его и не

тот памятный год Николай Водневский пришел к Богу! И вот каким он этот мир увидел:

Послевоенный город был похож на разрушенный муравейник. Разрушенными были его архитектура, его красота, но жизнь от этого не замерла, а, наоборот – стала более активной. На одной из главных улиц миллионного города лежали груды кирпича и мусора, остатки больших домов. Всё это – плоды рук человеческих, когда ими пользуется не Бог, а сатана. Вчера здесь возвышались красивые дома, а сегодня – руины с неприятным известковым запахом. Несмотря на вечерний час, люди, как неприкаянные, сновали по бедно освещенным улицам города. У театра толпилась очередь. Из раскрытых дверей пивных доносились гортанные звуки чужой речи. Там веселились солдаты оккупационной армии. Вблизи промышляли уличные женщины. Вот и парк. В нём много обгорелых деревьев без листьев, с почерневшими стволами. Они выглядели чахоточными, но на некоторых ветках настойчиво пробивалась к жизни

молодая зелень. Сырой воздух парка напоминал кладбище. На пригорке, где было больше света, расположился оркестр. Хотелось тишины, уединения. Как из-под земли, вырос лысый желтолицый дирижер. Он взмахнул палочкой, и барабаник дробно застучал по барабану. Завыли саксофоны, запели трубы. Потом всё оборвалось, только тромбонист продолжал выводить низкую замирающую ноту, всхлипывая, как раненый зверь.

Я готов был закрыть уши, чтобы не слышать этих страшных, предсмертных завываний. Мое сердце желало иных мелодий, иной музыки, иных звуков, в которых бы отображалась тихая и святая небесная радость. Я увидел, что

Братья-люди! Добрые, хорошие люди! Мы уцелели. Так воздадим же славу Богу, возрадуемся и возвеселимся сердцем, душою. Возблагодарим Его за спасение. Христос жив. Крест, на котором распяли Его, пуст. Он спас меня сегодня. Он спасает каждого, кто приходит с раскаянием. Так перестаньте же шаркать ногами по пыльным полам. Перестаньте под визг джаза трястись, как в лихорадке. Призовите Имя Иисуса в это доброе время так же искренне, как вы это делали в бомбоубежищах. Христос даст иную радость. Он даст новую песню. У оркестра будет новый репертуар...

Но люди меня не слышали. Джаз участил барабанную дробь,

увязших во мраке греха!.. Что мешает вам принять Христа, впустить Его в свои сердца и жить с Ним? Сколько еще нужно вынести страданий, испытать унижений и позора, сколько родных и близких людей вам нужно потерять, чтобы вы поняли простую истину: без Бога – погибель! Достоевский писал еще в 19 веке: «Пагуба народу без Слова Божьего!»

Добавить нечего...

Сами собой напрашиваются уже упомянутые строки из Книги пророка Исаии: «Во что вас бить еще, продолжающие свое упорство? Вся голова в язвах, и всё тело исчахло. От подошвы ноги до темени головы нет у него здорового места; язвы, пятна, гноящиеся раны, неочищенные елеем. Земля ваша опустошена; города ваши сожжены огнем; поля ваши в ваших глазах съедают чужие; всё опустело, как после разорения чужими» (Исаии 1:5-7).

христианская радость, радость в Господе, не имеет ничего общего с мирской, языческой радостью, и смотрел на танцующую публику с жалостью. В ту минуту очень хотелось громко крикнуть, крикнуть так, чтобы слышала вся эта шумная улица, весь город, весь мир:

– Люди, люди! Добрые, хорошие люди, уцелевшие в страшной, кровопролитной бойне! Что же вы делаете? Давно ли вы прятались в бомбоубежищах, дрожали от страха, судорожно крестились, призывали на помощь Христа и всех святых? А что делаете сегодня? Теперь, значит, и Бог не нужен? Или нужна снова война, чтобы вы подняли очи к небу?

а басовая труба ухала по-прежнему, словно отвечала мне:

– Нет, нет, нет...

Читая мысли, бушевавшие автора книги 70 лет назад, т.е. «вчера», мне хочется его дополнить «сегодня»:

– Люди! Люди!.. Я тоже плачу о вас, о ваших слепых душах,

Кто-то удачно подметил: «Самое странное в людях то, что они живут так, будто никогда не умрут, а умирают, будто никогда не жили...»

Добавить к этому нечего...

Татьяна Старосвитская,
г. Желтые Воды,
Днепропетровская обл.